

Круглый стол «Соблазн революции в «Бесах» Ф.М. Достоевского»
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 24 февраля 2012

Директор Дома Русского Зарубежья В.А. Москвин:

Уважаемые коллеги, позвольте начать работу нашего круглого стола. Несколько лет назад мы вручали здесь литературную премию Александра Солженицына академику Янину и была выставка берестяных грамот. Очень интересная, удивительная выставка. И многие ловили себя на мысли о том, что как будто эти тексты написаны вчера. Те же житейские проблемы, те же эмоции. Та же человеческая суть. Хотя за это время колоссальнейший технический прогресс во многих областях, но психологически все воспринимается, как будто это писали наши современники.

Когда читаешь пушкинского «Бориса Годунова», то не перестаешь удивляться. Появляется в России монарх, который пытается реформировать страну. Когда случаются народные бедствия, либо голод несколько лет, либо пожары, он пытается, скажем, как мы бы сейчас говорили, вести активную социальную политику. Строит колокольню Ивана Великого, чтобы работу дать, раздаст хлеб, отстраивает города, однако обществом его деятельность воспринимается негативно — удивительная вещь.

И в пору деятельности Александра Второго, когда начались в стране масштабные реформы, призванные освободить от груза прошлого, дать России новый импульс для развития — появляются тайные террористические организации, одна из них была создана С.Г. Нечаевым «Народная Расправа». Под впечатлением от судебного процесса над Нечаевым и членами этой организации Достоевский пишет «Бесы», книгу которую очень долго воспринимали, то есть сам Достоевский писал, что это памфлет, и потом на протяжении многих лет книга воспринималась, как оценка какому-то достаточно локальному явлению, а в какой-то степени книга крайне реакционная, которая неадекватно воспринимает реальные движения общества, его стремления к новым и лучшим высотам, пока не случился октябрь 1917 года и в русской эмиграции трудами и Булгакова, и Мочульского, и Степуна, и многих других об этой книге стали говорить как о пророчестве, которое, к величайшему сожалению, в России сбылось, а если проецировать на XX век, то это сбылось не только в России, но и в Германии и во многих других странах. Да и сейчас, я думаю, эта книга весьма и весьма актуальна, т.к. бесы из жизни не ушли.

Один из хороших друзей нашего дома не так давно рассказывал об одном из своих старых знакомых — деятелей несистемной оппозиции, который часто бывает на трибунах на различных проходящих у нас митингах. Он вспоминает, что когда-то они сидели в парижском кафе на Монмартре. И этот наш политически активно настроенный господин сказал: «Жаль, что у меня нет автомата, я бы этих буржуев с огромным удовольствием перестрелял». Такое вот бесовство, проявленное в словах в

этом парижском кафе, равно как и то, что в «Бесах» было замечательно показаны те нравственные императивы, когда цель оправдывает средства, кто не с нами, тот против нас. Это было в нашей истории воплощено реально в жизнь и кончилось гражданской войной и репрессиями, да и сейчас иногда в иных газетах неприятие иного мнения, если кто-то вдруг занял не ту позицию, то он нерукопожатный, то на его спектакли не стоит и не будем ходить. И часто это говорится от имени всего образованного сообщества, хотя права такого у этих людей нет. Потому и появилась такая идея поговорить еще раз о бессмертном произведении Достоевского, о романе «Бесы».

В книге есть такие напутственные слова Петра Верховенского, после расправы над Шатовым, он говорит: «Вы призваны обновить дряхлое и завонявшее от застоя дело; имейте всегда это пред глазами для бодрости. Весь ваш шаг пока в том, чтобы всё рушилось, и государство и его нравственность. Останемся только мы, заранее предназначавшие себя для приема власти: умных приобщим к себе, а на глупцах поедем верхом. Этого вы не должны конфузиться. Надо перевоспитать поколение, чтобы сделать достойным свободы. Еще много тысяч предстоит Шатовых». И хотелось бы, чтобы уже однажды сбывшееся пророчество в нашей стране не сбылось еще раз. Хотя, как известно, в России привыкли наступать на грабли. Спасибо, после такого короткого слова я хотел бы передать микрофон Людмиле Ивановне.

Л.И. Сараскина, литературовед, писатель:

Спасибо. Мы когда с Виктором Александровичем говорили о возможностях этого круглого стола, именно сегодня, в эти февральские дни 2012 года, то я с некоторым вызовом сказала ему, что еще 22 года назад написала книгу (она вышла в 1990 году), которая называется «“Бесы”»: роман-предупреждение». Это были те самые лихие девяностые, и мы все теперь понимаем, что это было такое. Я чувствовала тогда, что роман «Бесы» работает вовсю. Хотя он работал всегда: он работал в 1905 году, в 1917-м, в 1929-м, он работает весь XX век. Прошло двадцать два года, мы вступили в новое столетие, но роман продолжает работать. При каждом повороте события и я, и мои коллеги, и многие наши сограждане чувствуют, что созвучие романа «Бесы» нашей эпохе — это постоянная величина. И поэтому вашего оптимизма, Виктор Александрович, что бесы уйдут, сгинут, и все у нас гармонизируется и сгладится, у меня нет. Надежды, конечно, юношей питают, но мы с вами уже зрелые мужи и дамы. Логика развития нашей страны, и не только нашей, а всего человечества в контексте романа «Бесы» мне подсказывает, что бесовство, в том числе и политическое, это какая-то постоянная вещь, ну как вот «дьявол с Богом борется, и поле битвы — сердца людей». Точно так же деструктивны силы, которые жаждут реванша, жаждут вновь переделать мир. Достоевский говорил: «Хочешь переделать мир, начни

с себя». Но с себя никто не начинает. Всегда начинают с другого: начинают с меня, с вас, а с себя не хотят.

И вот этот инстинкт разрушения, этот *соблазн революции*, как я его называю, для меня самое главное в «Бесах»: соблазн, которым одержимы все. Я много раз спорила с коллегами из Достоевского сообщества, которые мне говорили: «Нельзя так политически трактовать этот роман, в нем много трансцендентных смыслов, в нем много мистического содержания, главное в нем — религиозная программа». Об этом писал, кстати, о. Сергей Булгаков. Но я всегда помню, что это написано в 1914-ом году, то есть до всех бедствий, что начались в России. И я абсолютно уверена, что С.Н. Булгаков, с его абсолютным инстинктом событий, в том числе и политических, и мистических, прекрасно справился бы с задачей, если бы писал «Русскую трагедию» (лучшее, что написано о «Бесах») в 1918 году.

Я специально приготовила цитату из этой статьи. «Трагедия “Бесы” имеет не только политическое, временное, преходящее значение, но содержит в себе такое зерно бессмертной жизни, луч немеркнущей истины, который имеют все великие, подлинные трагедии». Но нам никуда не деться от политической программы романа. Потому что сегодня силы — и сражающиеся за Россию, и сражающиеся против России — воспроизводят политические смыслы один к одному.

Не буду называть имена, ибо не в именах дело. Один деятель леволиберального сообщества пишет: «Надо отобрать голоса у этих 80% населения, ибо это быдло, отстой. Они ничего не понимают, их нужно лишить права голоса, не нужно допускать к выборам, не нужно допускать к трибунам». Другой деятель тоже недавно написал об этом: «Этот народ ничего не понимает. Можно обойтись без него. Давайте будущее страны будем решать мы». Вспомним эту буквальную цитату из монолога Петра Верховенского: «Строить *мы* будем, мы, одни мы!» Меня это поражает. Ведь это все образованные, начитанные люди. Но составляя свои политические реляции, они, видимо, не отдают себе отчета, что воспроизводят те самые смыслы.

Или вот другой пример. Поражает тотальная ненависть к тем, кто думает и чувствует иначе, ветхозаветное «кто не с нами, тот против нас». Но ведь это аксиома всякой политической борьбы, причем наши радикалы идут сегодня гораздо дальше. Они не говорят: «Ну против и против. Вы против меня — ради Бога, сидите со своим против отдельно». Нет, они говорят: «Кто не с нами, тот против нас, и мы их уничтожим, сотрем в порошок». Подобная кампания была названа в прессе «Чулпангейт». Когда актриса Чулпан Хаматова высказалась, что голосует за Путина, ибо он помогал ей с гематологическим центром, ее стали нещадно травить; в ход были пущены клевета, фальшивки, запугивания. Газеты сообщали, что российско-американская журналистка Маша Гессен, которая хотела ставить свою пьесу в Театре Наций, отказалась от сотрудничества с этим театром и его худруком

Евгением Мироновым, так как тот «снимается в агитационном ролике для Путина». Денис Мацуев — гениальный наш современник, всемирно известный музыкант, сказал: «С Путиным у России все будет хорошо. Я голосую за него потому, что когда в начале 2000-х годов российские оркестры распадались, музыканты жили на нищенской зарплате и стали уезжать за границу. Путин дал президентский грант симфоническим оркестрам, и мы сохранили музыку здесь». Все, Денис Мацуев теперь для иных оппозиционеров нерукопожатный человек. Это что такое? Это абсолютно то же, что мы читаем в романе «Бесы» — шельмование, либеральный террор.

Конечно, это все не отменяет «немеркнущий луч истины». Но почему-то буквальные политические смыслы, причем, самые тупые, одиозные, примитивные, воспроизводятся с какой-то унижающей мое читательское достоинство чистотой и неизбежностью.

Я хотела напомнить еще одно высказывание. Представьте себе, 1922 год. Страна отмечает пятилетие русской революции, и марксистский критик В. Перевезев пишет: «Все сбылось по Достоевскому. В революции есть что-то дьявольски хитрое, бесовски лукавое. Ужас революции не в том, что она immoralна, обрызгана кровью, напоена жестокостью, а в том, что она дает золото дьявольских кладов, которое обращается в битые черепки после совершения ради этого золота всех жестокостей. Революция соблазнительна, и понятно вполне почти маниакальное увлечение ею. Достоевский и его герои прекрасно знают этот революционный соблазн. Но вот из бездны поднимается навстречу России обаятельные призраки ничем не ограниченной тирании, и соблазн уступает место отвращению».

Все точно. Прошло пять лет от той революции, и уже многими было понято, что всё сбылось по Достоевскому и продолжает сбываться по точным его нотам. Я не могу судить о «луче немеркнущей истины», так как он сияет в перспективе вечности, но каждый из нас может судить, как это происходит сегодня. Я хотела сказать одну важную вещь. Нельзя думать, что роман «Бесы» — это только обвинение бесов революции, это было бы неправдой, неуважением к Ф.М. Достоевскому. В романе показано, что в каждой клеточке общества есть свое бесовство. Кто такой губернатор фон Лембке? Это символ беснования власти. Достоевский был далек от мысли, что власть, правительство, церковь — все они белые, чистые и пушистые, и только бесы революции дурные и поганые.

Д.П. Бак, проректор РГГУ: Вот с этого надо было начинать.

Сараскина:

Извините, но этим я хочу именно закончить. Вы с чего хотите, с того и начинайте. Каждый рассуждает в своей логике. Достоевский начинал роман не с критики властей. Он хотел сочинить памфлет против нигилистов и западников, и с этого начал. А затем, когда стал писать, почувствовал, что

будет несправедлив, интеллектуально нечестен, если не покажет всю картину русской жизни и русского мира. Потому в романе есть все структуры больной российской жизни, больного российского общества, одержимого социальным бешенством. «Бесы» — это несомненно и предупреждение власти: «Власть, будь честна и справедлива. Власть, будь гражданином! Тогда ты будешь иметь право говорить с согражданами на языке чести, высоких правил, а иначе тебе нечего будет ответить. Тебе не будет ни доверия, ни уважения». Не нужно думать, что бесы — это только разрушители-революционеры. Власть тоже может быть в плену бесов, и в церкви есть свои бесы. Вот что нам хотел показать Достоевский, вот с чем мы должны жить и ни в коем случае не наклонять роман в угоду той или иной тенденции.

Вот смотрите, когда Достоевский задумал памфлет, то есть «плеть для нигилистов и западников», он работал по этому плану целых четыре месяца. А потом понял, что не получается, и сказал замечательную вещь: «Эти жалкие уродства не стоят литературы». «Бесы» — одна из самых честных книг в мировой литературе. Достоевский, вместо плети для нигилистов и западников, создал огромное трагическое полотно, где показал, из чего и из кого состоит русское общество, почему раз за разом оно рушится и гибнет.

Москвин:

Я думаю, сейчас появилась такая мысль, что потребность написать этот роман возникла, наверное, из чувства несправедливости. Потому что образованное общество до Достоевского всегда критически относилось к власти, то есть зло было во власти. Зло было везде, кроме как именно в образованном обществе, которое всегда было таким светочем передовых идей. Начиная с французской революции.

Я думаю, что здесь как раз под влиянием французской революции такой стереотип и сложился. А Достоевский впервые показал, что и образованное общество тоже может быть поражено бесовством.

Сараскина:

Он показал, что оппозиция воспроизводит те же самые негативные тенденции, которые имеются и в самой власти, только в увеличенном и искаженном масштабе. Власть и оппозиция сосуществуют в некоем политическом симбиозе. Обе стороны идейно коррумпированы — то есть корыстно нуждаются друг в друге как в средстве для достижения своих политических целей, азартно играют в либерализм, спекулируют на лозунгах, манипулируют людьми, действуют по соображениям личного честолюбия и служебного тщеславия. Бесы смутного времени *не изобретают*, а лишь *заимствуют* у власти политические способы и методы достижения своих целей. Обе партии — и партия губернской власти, и партия заговорщиков — несут моральную ответственность за катастрофу, постигшую город.

Политическими авантюристами оказываются изначально обе партии — и партия власти, и партия заговорщиков. Каждый действует из соображений выгоды, никто не думает о стране и народе. И Достоевский в этом прекрасно разбирался, поэтому «плеть для нигилистов и западников», ради которой он начинал роман, соответствовала его гневу, его гражданской страсти. Он написал почти пятнадцать печатных листов, но понял, что пошел не туда и уничтожил их. Сейчас сочинители пишут роман в семь печатных листов и высылают его на соискание Нобелевской премии. А Достоевский (которого часто ругают за то, что будто бы он раздувал объемы из-за полистной оплаты) уничтожил половину книги, ибо понял, что писать ради одной плети будет нечестно. И сделал то, что считал честным. Поэтому если говорить о романе «Бесы» с уважением к автору, следует говорить о российском обществе в целом — и о власти, и об оппозиции, и об интеллигенции, и о верующих, и об атеистах, и о либералах. Может быть, какая-то польза и будет.

Но вот... понимаете, предупреждения в России трагически не срабатывают. Россия «Бесам» не поверила ни в 1905-ом году, ни в 1917-ом, ни в 1929-ом, ни дальше. Не верит она и сейчас, хотя охотно цитирует роман. Повторяю: меня поражает, как сегодня культурные и образованные люди, которые читали роман и много про него знают, воспроизводят в своей социальной практике все его пагубные смыслы и становятся теми же политическими бесами. А ведь помните, какое было сильное и мощное возражение «Бесам» еще при жизни Достоевского со стороны критика Н. Михайловского, которого Достоевский, кстати, уважал и внимательно читал. «Вы не за тех бесов ухватились, — писал в 1873 году Михайловский. — В вашем романе нет беса национального богатства, беса самого распространенного и менее всего другого знающего границы добра и зла». Как будто сказал: посмотрите на толстосумов, на богачей, которые воруют, обкрадывают людей, обглаживают страну. И Достоевский посмотрел на это в романе «Подросток» глазами двадцатилетнего юноши, который хочет стать таким же богатым, как Ротшильд, чтобы править миром. Мечта стать Ротшильдом — тоже бесовство. Я уж не говорю, сколько бесовства мы наблюдаем в «Братьях Карамазовых».

Москвин: Коллеги, кто хотел бы включиться в наше обсуждение?

В.Н. Захаров, зам.директора РГНФ, литературовед:

Нам, действительно, есть что вспомнить с Людмилой Ивановной. Я думаю, что политическая актуальность «Бесов» в наше недавнее время была открыта Юрием Федоровичем Карякиным, который писал о политической злободневности «Бесов» и в 80-е, и в 90-е годы. О том же писал и я. В 1990-м году и мне в какой-то мере суждено было пророчить: открывая, как и все, «бесов» в истории, я заподозрил, что мы одержимы бесами в настоящем,

роман пророчит нам не прошлое, а будущее. Так и случилось, к сожалению. Хотелось бы без бесов, но без бесов не выходит.

XIX век дал два архетипа русской истории, и в какой-то мере они восходят к Пушкину: «Борис Годунов» («народ безмолвствует») и те же «Бесы» — но стихотворение Пушкина. Его бесовскую модель бытия (метель, смятения, метания смутного времени) Достоевский развернул и распространил на русскую историю, на современность, на жизнь. Да, «Бесы» политически актуальны, но нужно вспомнить, с чего начинался этот роман. Начался с замысла, не реализованного в то время, но все посылы идут оттуда, и из этого первоначального замысла выросли все последние пять романов. Замысел назывался «Атеизм» — роман, который Достоевский собирался написать. Атеизм и есть то, что постоянно держало Достоевского в кругу определенных проблем, тем, идей. Позже этот замысел трансформировался в «Житие великого грешника», а из этого замысла возник Николай Ставрогин, о котором Людмила Ивановна много и вдохновенно писала. Роман, разумеется, грандиозен, но не проходит, к сожалению, неизбежная политическая злободневность романа. Мы можем игнорировать это, но никуда не деться от того, что Петруша Верховенский добивается успеха, что ему все удается, как удавалось в свое время Сергею Геннадьевичу Нечаеву, что шигалевщина оказалась востребованной идеологией. Идеями Шигалева живет зачастую и системная, и несистемная оппозиция, и власть. Как относиться к современной теории элиты? Людей делят на элиту и неэлигу. Элита — это те, кто достойны высшего развития. Но что это за элита? Кто себя причисляет к элите? Чем они заслужили? Это самозванцы. Это по Шигалеву: разделить людей на одну десятую и девять десятых. Одна десятая получает возможность высшего развития. Девять десятых — это лишь материал для истории. Это работники, рабы. Это люди, которыми нужно управлять, которым можно диктовать, которых можно лишать голоса, и так далее и тому подобное. Или, например, Шигалев говорит, что следует сделать с Коперником или с Шекспиром: одному выколем глаза, другомуотрежем язык. Но можно же и без этого сделать так, что ни Коперники, ни Шекспиры, ни Достоевские не появятся. Достаточно возложить эту задачу на масс-медиа, на телевидение. И оно делает это с большим успехом... Всё можно, всё позволено, любые кощунства, любые кровавые преступления, о которых мечтали в кругу «наших». Или, допустим, искусственное понижение образования, чем сегодня возмущено общество: это действительно сознательное искусственное понижение образования, школьного образования.

Реплика: Не только школьного.

Захаров: И университетского, да. Более того, эти инициативы заслужили властное одобрение. Или, например, сознательное, опять же, сокращение финансирования научных исследований. На нанотехнологии

денег не жалко, а на фундаментальные научные исследования, которые, собственно, и развивают науку и образование, — жалко.

Сараскина: Декларируется программа сбережения народа, а по медицинским показателям Россия на 144 месте.

Захаров:

Ну да, все проекты, которые государство начинает, осуществляются не для человека. Не для того, чтобы люди жили своим трудом, рожали детей, преумножая благо семьи и, значит, страны.

Мы, если затеваем модернизацию, то ради экономики, а получается, как Виктор Степанович Черномырдин сказал, «как всегда». Потому что как раз в круг интересов людей эти преобразования не входят и не войдут, другие немногие осваивают бюджет. Тут о многом можно рассуждать, но вернемся к роману. К сожалению, политическая злободневность романа неизбывна. И корни этой болезни — в посылах Достоевского. Роман Достоевского антинигилистический, он против нигилизма, против отрицания моральных ценностей. Он указывает на ту болезнь, с которой все начинается. Вот появилась студентка на собрании «наших» в «Бесах» и сразу всем заявляет: Бога нет. И всех устроила эта идея.

Так и мы до сих пор устраиваем дела — чтобы не было Бога.

Сараскина:

Вот приходит в Храм Христа Спасителя рок-группа и начинает там творить свой перформанс, достаточно некрасиво. Это почему-то одобряет дьякон Кураев, говорит, что это просто масленица, что это вполне нормально. А я не понимаю, это действительно так?

(просит о. Бориса это объяснить)

Отец Борис (Михайлов). Я не знаю, есть ли в этом необходимость — объяснить поведение этих женщин.

Сараскина:

Конечно, есть. Я к этому отношусь с возмущением.

Отец Борис

Это как раз беснования самые настоящие. Ну, не будем придавать такого значения комментариям Кураева.

Сараскина:

Он авторитетный человек.

Отец Борис.

Не очень авторитетный. Он умеренно авторитетный. Ну что тут пояснять. Это бич современной культуры.

Сараскина:

Это беснование чистой воды. Почти в медицинской терминологии.

Отец Борис.

Безусловно. Это так называемое актуальное искусство. Оно же всегда ищет святыню, для того, чтобы ее публично...

Сараскина:

Опорочить, обгадить?

Отец Борис.

Да, да, да. Это самое настоящие беснование и хулиганство.

Сараскина:

Это к масленице отношения не имеет?

Отец Борис.

Разумеется нет. У отца Андрея такой жертвенный педагогизм, он считает, что надо идти в самые трущобы, к самым подонкам. Никого не оставить вниманием, никого не обойти Божьим Словом. Это хорошо, но надо же видеть, что разницу...

Бак:

Я хотел бы продолжить тему, затронутую Людмилой Ивановной и Владимиром Николаевичем. Конечно, никто не знает историю создания и прочтения «Бесов» так, как Людмила Сараскина, она самый глубокий знаток всех подробностей, я отношусь к ее работе с глубочайшим уважением. Но ведь мы же сегодня говорим не о литературоведческих тонкостях, а о смыслах романа, которые доступны всем. Не только филологам, а и обычным людям. И я выступлю с позиций этакого диссидента в сегодняшнем разговоре. С одной стороны, я готов подписаться под всем, что сказано, — конечно, беснование рационализма, неверия, атеизма — это чудовищная вещь. Но мне все же кажется, что сводить роман Достоевского к подобной прямолинейной мысли — вещь слишком очевидная и легкая. Это было бы актуально и смело в советское время, но никак не сейчас.

Попробуем избрать более трудный путь к пониманию «Бесов», увидеть в нем иные, нетривиальные смыслы, не сводя роман к какой бы то ни было политической злободневности, в том числе и сегодняшней. Спору нет, в каждом великом русском романе есть сиюминутная актуальность давно прошедших лет. Например, в романе «Обломов» эта злободневность была

подмечена Добролюбовым. Но ведь если бы все исчерпывалось в романе Гончарова критикой дворянской лени накануне великих реформ, то сто лет спустя роман бы «умер»: актуальность отошла бы в прошлое, и от великого романа не осталось бы ровным счетом ничего. Как не осталось от «Взбаламученного моря» Алексея Писемского или от «Некуда» Николая Лескова.

Не будем же превращать «Бесы» в рядовой антинигилистический роман, нацеленный против революционеров, и только! Есть два варианта перевода заглавия романа на русский: «The Devils» и «Possessed». Первый вариант — «Дьяволы», то есть носители зла, имеющие неправильные, вредные, угрожающие воззрения и намерения. При таком переводе получается, что существуют какие-то ясные нормы мировоззрения и поведения, а есть отклонение от них — негативные убеждения: революционные, социалистические и т.д. Есть правда и есть неправда, и мы, конечно, должны быть на стороне правды. Простая схема, все прозрачно и ясно. Но ведь на деле все обстоит гораздо сложнее. Перед читателем — не дьяволы, не демоны, не носители того или иного конкретного дня, но полчище мелких бесов, имя которым, как сказано — легион. Именно эти бесенята способны исказить человеческую сущность. Тот, кто попал под их власть, становится одержимым — «Possessed»!

Второй вариант перевода заглавия романа единственно верен! Ведь мы знаем, что в литературе предводители нечисти, нередко обаятельны, вызывают если не сочувствие, то понимание (Мефистофель в «Фаусте», герой «Потерянного рая» Мильтона» и другие). Эти полномочные сеятели зла бросают вызов небесам, у них есть свои (пусть ложные) убеждения — вспомним лермонтовского Демона! Мелкие бесы, которые, по Пушкину, тучей «мчатся» и «вьются», извращают самое лучшее, самое искреннее стремление к добру, счастью, истине. Они вот именно здесь работают, на территории добра и благих намерений и порывов! А вовсе не там, где действуют сознательные карьеристы, рефлексирующие теоретики зла, которые мечтают девять десятых уничтожить, а себя выдвинуть.

Помните, Подпольный человек говорит, что я никем не сумел сделаться — ни злым, ни добрым, ни насекомым, да, я не могу, мне не дают быть добрым. Этот человек — никакой, неопределимый именно потому, что в нем «противоположные элементы кипят»! В том числе и добро и благие помыслы! Вот в чем основная проблема «Бесов»: бесовской может стать абсолютно любая система убеждений: либерализм, тоталитаризм, религия, атеизм и так далее. Бесовщина не зло как таковое, а доведенная до своего предела, до абсолюта **любая** мысль. Именно когда мысль завладевает всем существом человека, является рой мелких бесов, готовых вывернуть наизнанку все вокруг. Как святым посылаются самые суровые испытания, так и мелкие бесы извращают именно — самое лучшее, доброе, светлое.

Достоевский в романе не о злом человеке говорит, но о человеке, который «широк», как мы помним, слишком широк, Пушкин в «Пиковой даме» написал великую фразу — о том, что «две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе». А вот человек Достоевского, одержимый бесами, еще как способен держать в сознании такие противоречащие друг другу идеи. Так, Ставрогин смущает Шатова тем, что попеременно произносит то атеистические, богохульные речи, то — совершенно противоположные, благочестивые. На вопрос Шатова: «Когда же вы лжете, тогда или теперь?», — он хладнокровно отвечает: и сейчас и раньше говорю правду. Вот где бесовщина! Она начинается там, где убеждение отделяется от экзистенциальной сущности человека. Где он может в разные моменты жизни говорить то одно, то другое и не с целью карьеры — а искренне в это веря.

Вспомним шестидесятые и семидесятые годы XIX века. Конечно, деяния первых русских террористов — их тогда называли нигилистами — чудовищны. Но ведь в России в это время существуют две в равной степени бессильные позиции. Одни люди говорят, что все в империи все по-прежнему прекрасно, и только некоторые крамольники, заговорщики заводят подпольные типографии, злоумышляют на императора. Ничего — мы их искореним и все будет прекрасно. Другие люди убеждены в том, что в стране все ужасно по вине властей и все наладится, стоит только устранить виновников: Трепова, императора Александра Второго...

Мы не можем не понимать, что **обе** позиции безысходны, и революционеры и охранители как таковые, доведшие свои убеждения до бесовского абсолюта, ничего не понимали в происходящем. Охранительство и радикализм — две равновеликие утопии. И власть и системная оппозиция — все подвержено бесовщине. Поэтому мне очень не хотелось бы вычитывать из «Бесов» банальщину, прямолинейный вывод о том, что есть некая эволюционная ровная прекрасная дорога, которая ведет в рай, и есть отдельные уклонисты с этой дороги. Ведь и религиозная идея, доведенная до предела, у Достоевского обращается в свою бесовскую противоположность. Верующий христианин-теоретик легко становится инквизитором (иногда, увы «великим инквизитором»); чрезмерный мессианизм «Хромоножки» в романе «Бесы» побуждает ее поклоняться преступлениям Ставрогина.

Нет никакого «размежевания сил» в «Бесах», нет деления на чистых и нечистых, коли бы так, ясно была бы видна каинова печать одержимых бесами людей, а рядом жили бы праведники — их нет в «Бесах». Последовательно развенчиваются не только псевдолиберал Лембке, но и старший Верховенский, и Кармазинов, и так далее.

Поэтому Достоевский необходим нам сегодня не потому, что мы должны указать на кого-то конкретного, кто является носителем опасной идеи. Достоевский необходим нам для сохранения бдительности: любая идея — даже самая прекрасная! — легко может быть перевернута и превратиться

в свою противоположность — именно в этом смысл романа. Облеченные постами ответственные работники, крестящиеся в камеру, далеко не обязательно святы, так же, как пышная прическа рекламной красотки не гарантирует чудодейственных свойств шампуня.

И еще — мне кажется очень важным то, что написал о «Бесах» Эрнст Юнгер. Да, это спорная фигура, но все же вслушаемся в его слова: «В пору упадка, когда скапливается масса затхлой материи, рационализм становится самым твердым принципом. Затем, когда вокруг доктрины аморальной техничности образуется кружок, злой дух притягивает автохтонные силы». Мне очень важно, чтобы мы сопоставили с этой фразой позицию Достоевского. Не только голый рационализм опасен, не только холодное убеждение в том, что кто-то имеет право манипулировать остальными («...или право имею...»). Но как раз опора на автохтонное, на мистическое, метафизическое — только перевернутое, бесовски извращенное, тоже может быть чем-то угрожающим. Автохтонность, метафизика и рационализм, революционность и умеренность — вещи не такие уж противоположные, как нам сейчас кажется, а очень тесно соприкасающиеся. Так устроена скажем «Народная Расправа» и организация в «Бесах»: каждый революционер знает только свою пятерку и его очень легко убедить «математически» — это любимое слово Достоевского — что этими пятерками опутана вся Россия, все завтра выйдут и будет бунт. Но ведь никаких пятерок, может, и нет вовсе, и угроза бунта — фикция. Так рационализм оборачивается иррационализмом.

Одним словом, роман Достоевского не может быть сведен к политической актуальности — слишком прямолинейно было бы думать, что это пророчество: если оно столько лет не срабатывает, значит — либо это ничтожное пророчество, либо есть во всем этом какой-то иной резон. Значит, и не должно срабатывать: роман шире и выходит далеко за рамки политической ситуации, он несет в себе вот те самые всеобщие общечеловеческие моральные религиозные нравственные вечные ценности, которые я считаю важнейшими.

Сараскина:

Все, что вы говорите, абсолютно правильно, но оно касается всех романов Достоевского. Этот принцип, когда слово выворочено наизнанку, когда слово живет «с оглядкой» (у Достоевского даже специальный термин есть — «слово с оглядкой», «идея, вытащенная на улицу», то есть извращенная, скособоченная, изувеченная) — всеобщ. Вся словесная и материальная стихия именно такова, и она начинается уже с «Бедных людей». То, что вы сказали, это точно касается любой из крупных вещей Достоевского, где живет подполье, где живет вывороченная наизнанку идея, когда она вытаскивается на улицу и превращается в свою противоположность. Но мы же пытались определить специфику именно этого романа. Возьмите «Братья Карамазовы» — всего того, о чем вы

сказали, мы там найдем просто тонны. И вы правильно сказали — нужно искать там, и там, и там. Мы посмотрим на монастырь и увидим там не только Зосиму, но и Феропонта — темную изнанку церкви, как ее определяют богословы — беснование в самом ярком виде. Феропонтовщина, одним словом. Мы ведь хотели проблему сузить, а не просто говорить о том, в чем принцип романного мышления Достоевского. То, что вы сказали, — это принцип романного мышления Достоевского, начиная еще с «Бедных людей» — хотя в «Бедных людях» он слабее проявлен, чем в «Записках из подполья».

Мы же хотели из этой всей стихии романного мышления Достоевского вычленивать, а что же есть специфического в романе «Бесы». Специфическое в нем то, что Достоевский обратил внимание на политическое бесовство, на опасное общественное состояние России. Когда потом, через месяц после кончины Федора Михайловича Достоевского, революционеры убили царя — они с какой идеей пошли убивать царя? Вы только вдумайтесь — хотели совершить *последнее, окончательное убийство, после которого не понадобятся никакие другие убийства*. Вдумайтесь — это же абсолютно бесовская идея. И это говорили люди, как мы их называли, «чистые сердцем», и о которых Достоевский мечтал — что вот появятся революционеры с чистым сердцем и они не позволят допустить ничего дурного и кровавого. А оно взяло и позволилось. И эта идея оказалась тоже с оглядкой и тоже вытащенная на улицу. Вот Степан Трофимович Верховенский. Конечно, он либерал, западник, образованный человек, а проиграл своего крепостного мужика в карты. И вот вам Федька-каторжный. Зачем Федор Михайлович нам это показал? Чтобы мы увидели: вот как бывает — образованный, либеральный, хороший, милый, сердечный, жалко его бесконечно — а продал мужика в карты и погубил человека. Тоже бес своего рода. Поэтому мы хотели вычленивать специфику «Бесов». Не просто обозначить романное мышление Достоевского — вы его точно обозначили, прямо в лекционной форме, но мы хотели нащупать, что же в «Бесах» специального, отдельного, что же в нем этого самого, отчего весь мир дрожит. Написал недавно французский философ Андре Глюксман, что если бы Пентагон читал роман «Бесы», то его спецсы никогда бы не допустили, чтобы разбомбили их две высотки. Потому что они бы понимали, как сами, на свою голову подкармливают Аль-Каиду, как пригрели они всю эту бесовщину. Я собрала материал очень интересный. Люди всего мира, мыслители огромного значения говорят, что если бы знали роман «Бесы», если бы вчитывались в него, то слышали бы сигнал тревоги. Звучит сигнал тревоги, а его не слышат. Мы должны думать о том, почему его не слышат — ни друг друга, ни сами себя.

Захаров:

Актуальных смыслов в романе бездна, сегодня мы актуализировали политические смыслы. Если бы нам пришлось так же обстоятельно обсуждать другие смыслы романа «Бесы», нам не хватило бы времени. Приведу один пример. Есть у меня среди исследователей Достоевского любимый герой: Оскар фон Шульц, лектор Хельсинского университета, который по роману «Братья Карамазовы» прочитал 99 лекций. И поверьте, смысла романа не исчерпал. Или 26 лекций по роману «Идиот». И так он шел по всем романам Достоевского. Здесь просто бездна тем, бездна проблем, идей, которые мы можем обсуждать. Сегодня у нас актуализированы политические смыслы. Давно все сказано, но одних роман учит, других не учит. Одни извлекают уроки, но большинство этих уроков не извлекает. Дмитрий Петрович обозначил проблему генезиса бесовства в сомнениях: есть Бог, нет Бога. Но у Достоевского в его романах всё противоречиями живет. Это основополагающий принцип бытия, и реального, и романного. И что делать, если действительно у Достоевского прекраснодушный Алеша Карамазов и прекрасный человек в одной сцене твердо говорит, что есть Бог, а в другой признается, что «в Бога-то вот, может быть, и не верую». Это те сомнения, которыми живет человек, но этими сомнениями, опытом *pro et contra* утверждается истина. В этом искушения героев Федора Михайловича. Искушаясь, герой приходит к своим выводам. В набросках к роману Достоевский для себя заметил, что он хотел бы написать в послесловии: что есть правда? Ради этого написан роман. Что считать за правду? И в тех ситуациях, когда возникает вопрос, есть Бог или нет Бога, рождается истина. В романе есть положительные ответы героев. В свое время, в годы гражданской войны, С. Борщевский написал замечательную статью, в которой обратил внимание на хроникера (позже эти наблюдения обстоятельно разработал Юрий Федорович Карякин). Хроникер — из немногих героев романа, кто устоял перед бесами, не поддался искушению. Или вы сами подсказали, Дмитрий Петрович, что положителен Степан Трофимович. Более того, он толкует смысл Евангелия, он преображается и прозревает перед смертью, он становится другим, верит, что Россия исцелится от бесов, и это надежда самого Достоевского, одна из идей романа.

Или трансформация событий мировой истории в романе, действие в котором начинается в сентябре 1869 года до франко-прусской войны, но в течение романного месяца завершается поражением Парижской коммуны и пожаром Тюльери в Париже, другими событиями. Тем много.

М.А. Васильева, ученый секретарь Дома русского зарубежья:

У меня будет более специальное выступление. Я с большим интересом слушаю вашу дискуссию. И мое выступление дополнит то, что говорил Дмитрий Петрович. Я хочу, поскольку мы находимся в Доме русского зарубежья, обратиться к истории изучения этого романа в русском зарубежье. И еще более специально, был такой семинарий по изучению

творчества Достоевского в Праге, и там они собрали замечательную научную публикацию — цвет интеллектуальной мысли русского зарубежья. И они бились над теми же проблемами, над которыми бьемся мы сейчас. Это было для них очень актуально, потому что они только что пережили социальные сломы, сдвиги, катастрофу 1917 года, поэтому те проблемы, которые нас сейчас так беспокоят, они их пережили. Эти бесы, они «дышали им в спину». Я хочу обратить внимание на одну работу, очень любопытную, которую считаю одной из самых важных в работе этого семинария, это «Проблема “Двойника”» Чижевского. И если кто-то видел, читал эту работу, то очень интересное дополнение, что это из книги «О формализме в этике», и поэтому постановка вопроса о рационализме в этике, она более глобальна. Они не говорили о политике, они говорили о самом главном. Почему «Двойника» Чижевский считал очень важным произведением, м.б. генеральной мыслью двойничества, которое прошивает всю романную прозу Достоевского. Дело в том, что появление двойника у Голядкина — это крах и кризис души. Почему появляется подобный, почему появляется тот, кто может тебя выдвинуть с твоего места, занять это место. И мало того, места, которые занимает Голядкин-младший, они лучшие в понимании самого Голядкина. Голядкин постепенно растворяется, становится ничем. И Чижевский доказывает, что места, которые, выбор этих мест у Голядкина — это нечто примитивное, нечто иллюзорное. Это безусловно не выбор между Богом, чем-то очень важным, нет вертикали, человек не укоренен в Боге, нет душевного якоря. Отсюда появление подобных, которые появляются, и которые вымещают тебя, становятся твоим двойником. И те же двойники оказываются в романе «Бесы», и в «Братьях Карамазовых» тоже, ибо «черт многолик». И когда говорит Ставрогин, что это он «сам в разных видах, и ничего больше». Это он говорит про Кириллова и Шатова, вот это две абсолютные противоположности, которые становятся подобиями этого человека. Почему возможно это подобие? Опять же, критика этического рационализма, когда человек смотрит холодным, рациональным взглядом, и может применить общие законы природы к единственному человеку, неповторимому. Человек неповторим, это уникальное явление. И когда мы начинаем применять общие законы, и видим человеческие массы, то эти массы, к ним применимы эти общие законы. Вот они, эти шагающие подобные, шагающие двойники, потеря остова и потеря места, потому что место — это, как считал Чижевский, — это, вообще концепт места, он и сам его разрабатывал, и отслеживал в прозе Достоевского, говорит Ставрогин, что «в Швейцарии есть одно место, это место угрюмое». Мы прекрасно знаем, что это за место. Полный крах души, самоубийство. Вот, собственно, когда мы уже не можем понять, кто все-таки Ставрогин, это Иван Царевич, или это самозванец, который наплодил подобных самозванцев. Поэтому я хотела обратить внимание на разработки Чижевского, они очень любопытны для русского зарубежья, потому что вопросы стояли не политические, а философские — в

тех кругах, которые пережили политическую катастрофу. Они как-то на это пытались смотреть глубже и глобальнее. И отклик на эту работу был очень большой, впрочем, как и проблема двойника для русского зарубежья была очень серьезной, потому что, если мы прочитаем Ходасевича «Перед зеркалом»: «Неужели вон тот – это я?» или «Распыленный миллионом мельчайших частиц» Георгия Иванова, они, конечно, понимали это раздвоение немного иначе, но стояли перед катастрофой, понимали, что ей надо как-то сопротивляться. Спасибо.

О. Борис Михайлов.

Я вообще не специалист по Достоевскому и не литературовед. Мое светское образование — искусствознание. Я учился в МГУ и продолжаю работать, преподавать, и сейчас тоже. Я не оставил это. Но, конечно же, роман «Бесы» захватывает. И он универсален в своих глубинных прозрениях. Его историзм фантастичен. Но в разные исторические времена он имеет разную актуальность. И вот сейчас, в наше время, его актуальность, как мне представляется, отходит на какой-то запасной путь, на задний план. Потому что, как мне кажется, наше время — не время нарастания революционной ситуации и каких-то вот такого рода потрясений, которые были характерны для ожиданий XIX века. Мне кажется, наше время и самая суть той политической и нравственной борьбы, которая ведется в наше время, заключается в том, что требуется перемена поведения общественного, поведения социального, поведения человеческого. И мне кажется, что главная черта нашего времени — это жертвенность. В христианском понимании этого слова, этого бытия. Это время, когда люди начинают себя организовывать, начинают себя призывать. Такая глубокая, интимная, внутренняя, духовная борьба, наверное, нарастает в людях в наше время, которые себя вытаскивают из советского этого запуганного состояния и начинают понимать и видеть, что есть и другие, которые так же думают, которые так же поднимаются, которые могут выйти на улицы с риском для жизни, с риском для карьеры. Но тем не менее, это фантастика, конечно.

Сараскина:

С риском для жизни?

О. Борис:

Да, и для жизни тоже, а почему же нет? Мы же не знаем, что будет с нами, когда мы идем в эту десятитысячную толпу, куда она двинется, мало ли что может быть, и может быть меня повалят или покрутят и прочее. С риском для жизни, я во всяком случае так это переживаю. И тем ярче и тем радостнее видеть замечательные образцы такой жертвенности. Я вот даже говорил за этим столом в прошлый раз о том, что на меня большое впечатление произвела секретарь судьи Данилкина, вот эта Наталья, если я не ошибаюсь, Андреевна, которая в этой крошечной лжи, в этом

отвратительном нравственном преступлении сказала правду, евангельскую правду, совершила настоящий жертвенный подвиг. Меня здесь, правду сказать, осмеяли, сказали, что это, может быть, так сказать, заготовка. Это чудовищно, если мы так думаем, если мы до такой степени одеревенели, что мы не можем видеть очами то, что к очам обращено. Но и многое, многое другое. В общем, настроение совсем другое. И поэтому «Бесы» отходят на какой-то другой план, они никогда не пропадут, но сейчас, как мне представляется, их актуальность мала. Вот, собственно говоря, все, что я хотел сказать.

Сараскина:

Можно вопрос? Где проходит та грань, где мое немолчащее поведение переступает ту незримую черту, за которой я становлюсь разрушителем своего государства? Как человек сегодня может нащупать эту грань? Чтобы не стать орудием темных сил, когда тобой пользуются, манипулируют. Я почему этот вопрос задаю? Я активно участвовала в событиях 1991 года. Я тогда считала, что правда абсолютно на одной стороне. Я вместе с журналистами «Московских новостей» печатала листовки, 19 августа вышла на площадь к танку, я помню, как я солдатика умоляла: только не стреляйте, ничего плохого мы не делаем. Двадцать лет прошло. Потом я поняла, что мной играли, мной манипулировали, что это была не вся правда, я ее тогда не знала, я ее узнала потом по прошествии времени. Меня сейчас просят — там выступить, там выступить. А я себе задаю вопрос — где та грань, где я говорю правду о том, что происходит в стране, в образовании, в здравоохранении, в росте олигархов на душу населения? Где мы переступаем черту, за которой начинаем разрушать свою страну.

О.Борис:

В таких борениях человек руководствуется голосом совести, а голос совести — это голос Божий. И если человек прислушивается, если он этот голос слышит, он и ведет человека и он получает ответ на такой вот вопрос.

Сараскина:

Я себе на этот вопрос ответила — я могу стоять на Болотной площади, среди замечательных людей. Но смотреть на тех, кто стоит на трибунах, и быть для них мясом, я не могу. Потому что я слишком хорошо знаю, кто такой Немцов, кто такой Рыжков, кто такой Касьянов.

Москвин:

Вы знаете тех, кто стоит на Болотной площади, и я некоторых из них знаю. Поэтому я на Болотную площадь не пошел. Вот, скажем, идет встреча президента Медведева с лидерами системной оппозиции. Бумагу от Болотной площади с требованиями передает Борис Немцов. Кто не знает о

деятельности Бориса Ефимовича — почитайте в Интернете о его работе в 90-х годах. Уничтоженная промышленность Нижегородской области, пир криминала с абсолютнейшим криминалом, сфальсифицированные выборы 1996 года. Вот реально тот, кто отражает интересы честных порядочных, справедливо возмущенных людей.

Бак.

Дело в том, что Достоевский всячески уходит от ответа на вопрос, какая мысль — «правильная», а какая неправильная, кто чем занимался до 1917 года. Главное, не указать на врага и на образцового друга и благодетеля. Профессор Лосев когда-то сказал удивительную вещь: «Когда я узнал, что сумма углов треугольника равна двум прямым углам, я понял, что эта истина отныне моя, моя — и более никто ее у меня не отнимет». Поэтому самое важное у Достоевского — не отделить правильную идею от неправильной, так как любая идея может быть извращена. Самое главное правильно присвоить, сделать своим что-то внешнее, что наполняет всякого причастного радостью. Говорить о том, что Достоевский имеет ясную политическую актуальность, это означает сужать смысл его романов.

Сараскина:

Достоевский нам показал, как нужно разбираться с людьми. Он показывает нам Степана Трофимовича — кто он такой был в молодости, чем он был занят. Он нам всю его подноготную показывает. Почему вы говорите, что не важно, кто был кем-то и что он делал. Нам Достоевский показывает — занимайся этим, узнавай про человека — кто он, что он, как и когда он что-либо делал. Поэтому он показывает нам Степана Трофимовича — бездельничал, приживалом был и продал своего крепостного мужика. Зачем он нам это показал? Достоевский нам показывает, если ты идешь за человеком, если веришь его проповедям и агитациям, значит ты должен знать, кто он и что он.

Захаров.

«Бесы» актуальны, их актуальность и историческая, и современная. Бесы нас привели к гражданской войне. Гражданская война не закончилась, к сожалению, ни в 89-м, ни в 91-м, ни в 93-м, ни сейчас, она и сейчас продолжается, как бы мы ни хотели закрыть глаза, спрятать голову в песок. Даже терминология общественных движений — боевая: «фронт» и так далее. Поэтому надо нам с вами находить те силы, те возможности, те слова, которые бы перевели Россию на другие исторические рельсы, иначе нас ждет повторение 17-го года.

Это будет тот самый бунт, о котором писал Пушкин, — бессмысленный и беспощадный, который был и в смутное время, и во времена разинщины и

пугачевщины, и в 17 году. Поэтому нам надо находить ответы на вопросы, что есть правда, как жить? Жить по совести, жить по правде, жить не по лжи — вот эти требования. Что считать за правду? На этот вопрос есть ответ Достоевского в записной книге 1880–1881 гг. — его полемика по поводу пушкинской речи, что считать нравственным и что безнравственным. Отвечая Константину Леонтьеву, Достоевский ставит ему вопрос: сжег бы Христос на костре еретика или не сжег?

У Достоевского была своя мера правды. Она может быть выражена в простых, отчасти тривиальных мыслях. Например, его ответ, как поступил бы Христос. Гуманистический принцип: человек — мера всех вещей, это, по Достоевскому, «женевские идеи», «добродетель без Христа». У Достоевского Христос — мера всех вещей. Это ответ Достоевского.

С.Н. Дубровина, зав.отделом по развитию и связям с общественностью Дома русского зарубежья:

Насколько человеческое поведение Достоевского — это следование за кем-то или вопрошание себя?

Сараскина:

Мучительный вопрос и мучительные ответы. За пять-семь дней до смерти Достоевский написал: «Я, как и Пушкин, слуга царю, потому что дети его, народ его не погнушаются слугой царевым. Еще больше буду слуга ему, когда он действительно поверит, что народ ему дети. Что-то очень уж долго не верит». Не было здесь никакой благодати, никакой благости, никакого ответа. Это было мучение до самого конца. Потому я и спрашиваю: где та черта, за которой твой праведный гнев против несправедливости, против преступлений, которые творятся во всех сферах, где та черта, перейдя которую ты становишься разрушителем, Петрушей Верховенским, Шигалевым.

Бак. Реплика:

Внутри нас, и если бы черта была вне нас, это был бы закон, а не благодать. Я цитирую Захарова.

Захаров: А я цитирую Достоевского.

Сараскина: Не прячьтесь за формулами.

Бак: Революция ужасна, демократия не менее ужасна. Гитлер как пришел к власти? Посредством революции что ли?

Сараскина: Демократическим путем.

Бак: Любая идея может быть перевернута.

Васильева:

Людмила Ивановна, я тоже ходила к Белому Дому, к танкам. А потом даже и пожалела об этом со временем. Хочу сказать по поводу извращения идеи. Меня очень насторожила одна фраза В. Новодворской: ради идей Чубайса и Немцова можно пожертвовать требованиями шахтеров. И тогда, когда она это только сказала, я поняла, что это тот же Ленин, только наизнанку и в женском облике.

Сараскина:

Валерия Ильинична сказала еще более потрясающую вещь: «Я себя чувствую капитаном корабля, который называется Россия, и задача моя — привести этот корабль к берегам Великобритании, там его поставить и отдаться под власть Английской королевы. Можно ведь и так рассуждать. Так как, это что? вот это правда? Это кто у нас в «Бесах?» Нельзя скрываться за цитатами, за лозунгом, это ничего не даст.

Реплика чья-то: А скрываться за идеалом можно?

Сараскина: Своим или чужим?

Раплика: Любым.

Сараскина: За любым нельзя. За своим можно, если ты готов за него отдать жизнь. Вот в телепередаче Познер спросил у Прохорова: за что Вы готовы отдать жизнь. Он ответил: «За сестру и племянницу».

С такой решимостью не идут в президенты, потому что за вами — страна. Если и меня спросят, за что я отдам жизнь, я скажу — за сына и внучек своих. Но я не иду в президенты. На мне нет страны, на мне — маленькая моя семья. Но когда ты идешь в президенты, у тебя миссия другая.

Реплика: Я думаю, когда кандидат в президенты говорит, что отдаст жизнь за свою семью, это не худший кандидат.

Сараскина: А когда у Прохорова, как у банкира, спросили, где держать деньги? По его ответу я сразу поняла, как он представляет себе страну, состояние людей и их имущественный ценз. Он ответил: вы подумайте, сколько денег нужно на проживание в течение года, чтоб вам было комфортно жить. Эту сумму держите в рублях. Это будет маленькая часть, а все остальное разделите на доллары и евро. Сразу стало понятно его представление о России: образ России, образ русского человека, про которого Юлия Латынина написала, что это быдло и его надо лишить избирательного права. Это быдло, отстой, лохи и лузеры, они пьяницы, дряни. Если лишить их избирательного права, тогда мы выберем кого надо.

Это же абсолютная шигалевщина, если понять ее глубоко. Хотя Шигалев про деньги ничего не говорил.

Сараскина: (В ответ на реплики — если бы вас так спросили, как Прохорова).

Я бы переспросила — **кому** держать деньги ? Учителю или олигарху? Он разве не понимает, что это разные вещи?

Москвин: По крайней мере человек, который баллотируется в президенты, так отвечать не должен. Если отойти от темы нашей дискуссии, хотя мы от Достоевского все равно никуда не уйдем, знаменательно и другое. Когда человеку, который баллотируется в президенты, говорят о несправедливой приватизации, он отвечает — да, она неправильная. Но когда говорят о том что, возможно, придется, чтоб появилась хоть какая-то толика справедливости, заплатить разницу между стоимостью в три копейки за счет кредитов сбербанка и за счет помощи Потанина, заплатить разницу приобретенной стоимости и реальной стоимости, то он говорит — будет гражданская война. Вот он весь ответ.

Сараскина: Я помню, когда вышла книга А.И. Солженицына в 1998 году «Россия в обвале», что случилось после этого? Выступил А. Чубайс и Елена Боннер из Бостона написала в «Новую газету». Чубайс дал интервью газете «Файнэншел таймс». Они оба заклеили эту книгу. «Солженицын — человеконенавистник, — Чубайс сказал. — Это самый яркий и опасный человеконенавистник нашего времени, потому что он этой книгой и другими выступлениями призывает к пересмотру итогов приватизации и зовет нас к гражданской войне, к пролитию крови».

Москвин: И почему я вот как раз говорил, что не иду на Болотную площадь. Когда я издал книгу Солженицына «Россия в обвале» в 1998 году, в мае месяце, ко мне пришла налоговая полиция в тот день, в который книга появилась в печати. А кто тогда был реально у власти? Те люди, которые сейчас стоят на Болотной площади. И еще недавно, у меня есть один хороший знакомый — он был помощником Ельцина. И здесь он отмечал день рождения. Собралась Ельцинская команда как раз в день митинга. Они пришли с Болотной площади. То есть, эти люди мечтают о возврате в 90-е годы. Им нужно туда. И вдруг появилась благоприятнейшая ситуация. «Дурная власть» подтасовала выборы. «Дурная, нелепая, глупая власть».

Сараскина: Захаров об этом написал сразу после митинга на Болотной площади. Я об этом «ВКонтакте» тоже написала. Мы об этом написали публично про эти выборы. А дальше надо смотреть, что происходит.

Москвин: Смотрите, что происходит? Власть поступила так не потому, что она придумала это в первый раз, а потому что она использовала те технологии, которые ребята, которые стоят на сцене на Болотной площади, придумали в 90-е годы. Все выборы, которые были в 90-х годах, они были все подтасованы ими же. А вот здесь эти «идиоты», которые сейчас у власти, применили те же самые технологии. Вот здорово! Люди стали протестовать. Замечательно. А мы сядем верхом на этих протестующих. И Немцов передает требования президенту с Болотной площади.

Реплика: Где же правда?

Москвин: А правда в том, что сейчас, я думаю, появилась благоприятнейшая ситуация. Люди в какой-то степени проснулись.

Реплика: Отец Борис об этом говорил.

Москвин: Отец Борис об этом говорил, правда, пример он неудачный приводил, потому что там 50 на 50. Вот случай с секретарем судьи Данилкина...

Реплика: Что значит 50 на 50?

Москвин: Ну примерно, потому что, ну, вы верите, а я не верю. Люди действительно проснулись, появился средний класс, в значительной степени благодаря тому, о ком мы сейчас не говорим. Он появился за эти 12 лет. Уровень жизни по крайней мере в Москве поднялся довольно сильно. А свободы, за которые Мария Анатольевна Васильева стояла у танка, а по моему распоряжению срезали замки в типографии Министерства культуры в 91 году, где печатали «Независимую газету». 21-го августа гэбешники пришли с утра, а к обеду ушли.

Эти свободы есть. Свобода передвижения, купишь билет — летишь в Рим, дешевле, чем во Владивосток или в Екатеринбург, раза в три. Свобода выражать мнения свои — пожалуйста. Вот мы сейчас их выражаем. Можно пойти в «Новую газету» или на «Эхо Москвы» и тоже выразить мнение, к Юлии Латыниной. Но вот в этой ситуации, если говорить о политике, должна произойти самоорганизация людей, которые не связаны ни с советским прошлым, ни с 90-ми годами, с дикой криминальной революцией, со всеми этими деятелями, а должны появиться новые лидеры и, дай Бог, чтобы они, с одной стороны, прочитали Достоевского «Бесы», «Россию в обвале» Солженицына и пытались, насколько это в политике возможно, выстраивать ее по совести.

Сараскина: Я как раз хотела спросить об этом у отца Бориса. Отец Борис, вот мне со всех сторон говорят, что нужно выбирать меньшее из зол. Но ведь в этом случае ты все равно выбираешь зло. Но вот является ли зло выбором для христианина?

Отец Борис: Конечно нет.

Сараскина: Ну вот, так как же можно, когда тебе со всех сторон вдувают в уши — выбирай меньшее из зол?

Васильева: Вот мы сейчас выбираем из зол. Но Владимир Николаевич отмечает, что большая проблема происходит с образованием и вообще-то принимаются законы, которые это образование несколько пошатнули и делает это нынешняя власть. Что с этим делать, как этому сопротивляться?

В какой форме? Потому что речь идет о будущем, уже не нашем, а целого поколения, которое станет абсолютно мычащим. Это делает сейчас не Болотная площадь, это делается сейчас и теперь. В какой форме этому сопротивляться, чтобы сохранить мозги детей?

Сараскина. Мария Анатольевна, сколько раз и я, и Владимир Николаевич, и многие другие говорили об ужасах образования и писали публично.

Васильева. Вопрос — что делать?

Захаров.

Что делать? Этот вопрос есть и в романе «Бесы». Петруша Верховенский приходит к папаше и видит роман, который тот читает: Чернышевский, «Что делать». Вопрос, что делать, стоит перед каждым человеком. Сегодня ситуация изменилась. Еще несколько лет назад власть не обращала внимания на недовольство людей. Сейчас, мне кажется, власть поняла, что она все-таки зависит от народа. Кончилось терпение. И мне кажется, нужно искать возможности влияния граждан на любую власть, какая бы власть ни была.

Сараскина (реплика): Классическое пушкинское — нужно влиять на власть, нужно ей шептать, напоминать о Боге. А если у нее уши закрыты?

Захаров: Тогда грядет 17 год... может быть, 1905 год.

Сараскина: Пожар в умах, а не на крышах домов.

Захаров:

Мы обсуждаем проблему выбора и выборов. Того, что мы ждем, программы кандидатов не выражают. Мы не довольны властью. Мы не оппозиция. Мы граждане. И нам нужно как гражданам выражать свою позицию. Нам не нужна оппозиция, нужна гражданская позиция каждого: не молчать, возмущаться, добиваться, соглашаться и не соглашаться. Например, Говорухин, Дворкович говорят о том, что коррупция — это нормально, что мы переходим к «цивилизованной коррупции», этакой «суверенной» коррупции. Кто согласен с этим? Не молчать, возмущаться. Уверен, что только так возникнет государство граждан. Пусть каждый потрудится на общее благо, покажет делами, что он стоит и значит. Гражданское согласие — вот исход гражданской войны, начавшейся сто лет назад.

Ирина Карпенко, редактор журнала «Тайны и преступления» Издательского дома «Журналист»:

Любое выступление, мне кажется, должно заканчиваться знаком вопроса в нашей ситуации. Вот когда был первый революционный переворот, в котором мы все участвовали так или иначе (имеется в виду 1991 г.), ночью отец Василий Родзянко выступал по радио и сказал, что вообще-то лучшее государственное устройство, которое придумало человечество, — это монархия, потому что в ней есть отец и есть сын, отец и дети, то есть отношения любви.

Однако трагическая история человечества — это история непонимания отца и сына. Она почти в каждой семье есть и в стихах Лермонтова, и в романах Достоевского тоже. Так что если мечтать о таком государстве, где наконец эти отношения гармонизируются, и развивать эту идею, то да, безусловно — отец Василий Родзянко безоговорочно прав. Но в своей гармонии эта идея, сказал он в ту тревожную ночь, может осуществиться только через много-много лет. Вот такая почти недостижимая мечта. И искать гармонию в современном государстве — невозможно, кем бы ты ни был.

Я помню, как Валентин Григорьевич Распутин, который, конечно, всегда хотел блага России и переживал за страну, выступил с трибуны первого съезда народных депутатов СССР и в сердцах сказал: «А может быть, России выйти из состава Союза». И вот эта оговорка по Фрейду или не по Фрейду, но она реализовалась. Она реализовалась так, как он и не думал. Притом что это Распутин, человек, который из всех писателей того времени словом владел наиболее совестливо и, быть может, лучше других. Он хотел гармонизации отношений народа и государства, а оно рухнуло.

Мне кажется, мы переживаем сейчас такой момент, подобный которому, наверное, человечество уже переживало. Было же время романов ужасов, готического предромантизма, страшного, яркого, когда писали баллады, где действовали мертвецы, чудовища, привидения, бал правили мистика и черная фантазия, Рок — ну, в общем почти Гарри Поттер. Или там какие-нибудь пираты Карибского моря — 15 человек на сундук мертвеца, которые в следующую секунду способны превратиться в кого и не ждешь.

Эта удивительная культура сейчас взяла главенство над молодыми душами, в ней нет незыблемых правил и ценностей, все вообще подвижно в ее мире. Человек превращается на глазах в зверя, в скелет и, между прочим, это очень смешно, а иногда и красиво. И поступки он совершает вовсе не такие, какие диктует гуманистическая мораль или христианские заповеди. Делает то, что ему выгодно или сподручно. Все зыбко. Ты уже не понимаешь, где реальность, где мир иной, а где виртуальный, где правда, а где ложь, тобой манипулируют или всё по честному? Это происходит и в нашей обыденной жизни.

Вот удивительная параллель. В Большом театре, как вы помните, в этом году была премьера оперы «Руслан и Людмила». Половина зала кричала на ней «позор!», половина — «браво!». Страсти разгорелись и в прессе. Но одна

журналистка высказала неожиданную идею, которая всю эту горячую полемику попросту обесценила: а не сам ли режиссер организовал себе оппозицию и громкие крики «позор!». Такой вот пиар, такое социально-культурное проектирование.

Так вот мы сегодня находимся в подобной ситуации во всем, и прежде всего в нашей политической жизни. Кто-то понимает, что нами манипулируют, но далеко не все в курсе. Молодежь, которая выросла в контексте лихих девяностых и обозначенной выше массовой культуры с сюрреалистическим привкусом, довольно свободно себя чувствует. Тут сказали: она жертвенна. В каком-то смысле, быть может, — не боится провокаций, смело идет на митинги. Но при этом говорит: «Если не я, то кто же?!» Однако ведь в этом есть и огромная гордыня. В истории русской интеллигенции такие гордецы уже были, и мы знаем, к чему пришли.

Самое интересное, что и мы сами попались на ту же удочку в 90-х годах. Мы тоже ходили на митинги и шествовали по проспектам. Тогда нам говорили: как это отвратительно — рассуждать о том, сколько денег в чужом кармане! И с экранов телевизора, и с газетных полос нам внушали, что это моветон. И мы соглашались. А в это время шли залоговые аукционы, кто-то сколотил потрясающие состояния, а остальные просто как полные идиоты вдруг увидели, что уже построено общество, о котором мечтали, но только другие люди, не мы. Нам говорят теперь, что не было другого пути. Но это тоже вранье. Другой путь был, и тогда это было известно, и другие страны это показали. Мы же были как дети. Гордые собой умные дети, оказавшиеся в дураках.

Сегодняшним снова внушают: не надо говорить о мировом заговоре, о мировой закулисе — это неприлично, не комильфо. Как будто бесы есть только в России или их нет вовсе. Но мы не поймем ситуацию в своей стране, если не будем видеть ее с полета. А еще видеть Сирию, Ливию, Египет и Югославию в конце девяностых под бомбами, просившуюся в Союз России и Белоруссии.

Мир — это проект по переделу мира. Но перекраиваются не только границы. Пересматривается нравственность — она не в моде. Рушится шкала ценностей, которую веками возводила культура. Все эту шкалу размывают — и школа с холодным ЕГЭ, и современное искусство, которое устаревшими «глупостями» не занимается, и СМИ, не без радости тиражирующие беснование политизированных девчушек в Храме Христа Спасителя. Это демократично. Как и настоятельный совет от кабинета министров британским христианам — не надевать больше крестик на работу.

Всё это фантастично и создает атмосферу абсолютной свободы, вывернутой наизнанку. Современный готический роман жизни напоминает предромантическую эпоху конца XVIII — начала XX века, закончившуюся революциями. Новые, конечно, будут отличаться от тех, плюсквамперфектных. Одно останется неизменным — без бесов и того, имя

которому легион, революции не случаются. Это их праздник, их минута славы, как на ТВ.

Что же в нынешней ситуации делать? Наверное, должен каждый, прежде всего на своем месте (мы же не политики), отстаивать те ценности, которые столько веков создала культура. Хранить и передавать то понимание жизни, Достоевского в том числе, которое иным продвинутым витиям кажется устаревшим. Передавать кому только возможно.

Бак: Но какое? Понимание-то разное.

Карпенко: Ну и что, что разное. Но в одном-то мы сойдемся. Все равно в поцелуе Христа мы сойдемся. Сойдемся на том, что главное для каждого — любовь во всех ее проявлениях. Разве не так?

Бак: Трудно спорить.

Москвин: То, что произошло в последнее время, стало для власти холодным душем. Сама власть об этом говорит. И возможности для влияния на нее есть. Влиять можно по-разному. У нас, к большому сожалению, сейчас нет тех сил, которые были бы образцовыми. Тех сил, на которые можно было бы равняться, которые можно было бы безоговорочно поддерживать. ОНИ АБСОЛЮТНО РАЗНЫЕ. Есть те силы, которые абсолютно продажные — деньги заплатили, и они будут говорить все, что угодно. Есть силы, которые суть просто смесь Сталинско-Брежневских, с элементами социал-демократии. Такая помесь коммунистически-большевистских, сталинистских и социал-демократических идей. Есть силы, которые зовут в 90-е годы.

Сараскина: Из тех людей, которые называют Россию территорией свободной охоты. Не стоило бы говорить, кому принадлежат эти слова, потому что человек в тюрьме сидит, не хочу его обижать... Уже сидя в тюрьме, Ходорковский сказал в одном из своих писем аналитических — мы к России относились как к территории свободной охоты. Это опубликовано, я не открываю никаких секретов. Как говорит Кармазинов в «Бесах» — Россия страна для экспериментов. Здесь в этой стране может совершиться все что угодно, без малейшего отпора. Вот ключевое слово. Оно и совершается. Россию сделали не страной, не государством, — территорией свободной охоты. А мы, значит дичь для этих свободных охотников.

Москвин: Вот они охотились. И когда Прохорова спросили, кто будет в случае его победы премьер-министром, был дан ответ: Кудрин или Ходорковский.

Вот пожалуйста, премьер-министр Ходорковский с территорией свободной охоты, Невзлин, видимо, — директор ФСБ, Лебедев — глава МВД. Поэтому, я считаю, что нужно на несовершенную, с огромным количеством не то что болячек, но язв, нужно на эту власть влиять. Есть разные способы влияния. Учить в том числе, говорить, и кричать, в том числе, по поводу образования.

Сараскина: Все-таки попытка влиять удалась.

Реплика: Не удалась.

Сараскина: Маленький крохотный эпизод был, когда Министерство образования (Фурсенко) вывесило на своем сайте стандарты образования для старших школьников.

Захаров: Они это все провели.

Сараскина: Не провели. С. Волков собрал за неделю 20 тыс. подписей. Моя была шестая. И все-таки Путин вызвал Фурсенко и сказал ему — слушайте, вы что-то торопитесь. Я разговаривала недавно с Волковым, он сказал, что эти стандарты не приняты.

Москвин: На самом деле, господа, если говорить о конкретных вещах. Вот отец Борис говорит — выходить на улицу. Я готов выходить на улицу вот если, скажем все мы, например, выйдем под лозунгом, потребовав смены не только Фурсенко, но и в целом политики в области образования.

Сараскина: Фурсенко и так заявил, что он уходит. Они разделяют Министерство образования на две части, одно будет заниматься маленькими, другое — большими детьми.

Москвин: Вот здесь, я думаю, вполне может быть реальная вещь, потому что, как это ни удивительно отцу Борису, я ведь немножко с образованием знаком и с деятельностью Министерства. И вот те пакостные вещи, которые делаются в системе образования, они делаются в значительной степени теми людьми, которые с 90-х тогда разваливали систему образования, которые сейчас продолжают благополучно работать, а потом ходят на Болотную площадь возмущаться.

Отец Борис: Надо встать по Садовому кольцу и взяться за руки — прекрасно во всех отношениях.

Сараскина: Взяться за руки, чтобы что?

Бак: По МКАДу будет более внушительно.

Отец Борис: Что мы вышли, мы стоим, наша Москва.

Сараскина: И что Вы хотите? Москва не наша. Москва Лужкова была.

Отец Борис: Взяться за руки, и в этом много света настоящего.

Сараскина: Но что-то я не чувствую здесь света, простите, отец Борис.

Москвин: Господа, спасибо. Я думаю, что у нас сегодня был интересный разговор, и я еще на прошлом «Круглом столе» нашем обещал, что мы будем продолжать в таком формате обсуждать разного рода темы, тем паче, что это для нас и выполнение завета наших изгнанников, которые обсуждали эти темы, включая и «Бесы» Достоевского, много-много раз и в нашем архиве много документов по этому поводу, и в нашей библиотеке.

Бак: Спасибо Дому Русского зарубежья, что это площадка, где есть очень много смыслов обсуждения в отличие от миллиона других, где просто какие-то бесноватые. Спасибо огромное.

Москвин: И будем пожимать друг другу руки, несмотря на разные позиции. Спасибо.

